

Т.Л. Айрапетян

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ НАРОДАМИ СЕВЕРНОГО КAVKAZA И АРМЕНИИ

Фольклор народов Кавказа богат, многогранен и многоязычен. Это отражено в разных жанрах: обрядовых и лирических песнях, сказках, пословицах, поговорках, и, в особенности, в сюжетах нартского эпоса.

Нартский эпос — древнейший пласт фольклора, известный многим народам Кавказа. Сравнительное изучение произведений народов Северного Кавказа и Армении свидетельствует о наличии общих сюжетов, отраженных как в «Нартском эпосе», так и в армянском героическом эпосе «Сасунские удальцы» («Давид Сасунский»).

За прошедшие два столетия была проведена огромная работа по сбору и записи армянского и осетинского эпосов в различных вариантах: с армянской стороны Г. Срвандзтянцем, М. Абегином, К. Мелик-Оганджанияном, С. Арутюняном, а в Осетии — В. Пфафом, В. Миллером, Г. Цораевым, Д. Чонкадзе, В. Абаевым и другими.

Арменовед Л. Мкртчян в своем предисловии к русскому переводу «Давида Сасунского», изданному в Большой серии «Библиотеки поэта» в Ленинграде, оговорил типологические параллели кавказского фольклора: «Типологически Мгеру (Артавазду) близки Артавыз осетинского, Амирани грузинского, Абрскил абхазского эпосов. Все это говорит о том, что Прометеев сюжет о Прикованном к скале герое был широко распространен в древности на Кавказе» (цит. по: [Абзианидзе 2004: 139]).

Е. Мелетинский обратил внимание на еще одну параллель, типологически характерную для «Давида Сасунского» и «Амираниани». В частности, он усмотрел схожесть в описании детства Санасара и Багдасара с аналогичными персонажами в «Нартском эпосе» и в сказаниях об Амирани [Мелетинский 1963: 239].

Структура и тематика эпоса народов мира в значительной мере имеет чисто типологическое объяснение. На содержатель-

ном уровне общими оказываются все характерные эпические ситуации и коллизии — биографические и воинские. Наиболее характерными особенностями являются принципы жанрово-композиционного построения эпоса. В первом случае речь идет о выстраивании в традиции более или менее связного жизнеописания богатыря (биографическая циклизация) или нескольких поколений богатырей (генеалогическая циклизация). Ярким примером являются армянский и осетинский эпосы, объединившие четыре поколения героев.

Циклы «Нартского эпоса» следующие: 1. Вархаг, Ахсар и Ахсартаг; 2. Урызмаг и Сатана; 3. Созырыко (Сослан); 4. Батраз.

Им соответствуют четыре поколения героев армянского эпоса «Сасунские удальцы»: 1. Цовинар, Санасар и Багдасар; 2. Старший Мгер; 3. Давид; 4. Младший Мгер.

В вышеуказанных параллельных циклах схожесть проявляется в первом поколении, поскольку в этой части представлены элементы, присущие всей среде эпоса, в основе которого лежит противоборство сторон.

Отметим также, что армянское слово «удальцы», и осетинское «нарты» имеют одно и то же смысловое понятие, а именно наивные, добрые и в то же время непокорные великаны [Далалян 2004: 83].

«Нарты — великаны чаще добрые, нежели злые. Они спят неделями, по-видимому, набирая богатырскую силу (ср.: русский богатырь Святогор спит 33 дня); бродят по лесам, любят охотиться и т.п.» [Халидова 1985: 21]. Все вышеуказанные эпизоды и мотивы наличествуют и в армянском эпосе «Сасунские удальцы».

Если в армянском эпосе сильным является старший брат близнецов, то в осетинском эпосе младший брат сильнее старшего, хотя данные принципы сохраняются не во всех вариантах эпоса. «Причем в отличие от мифологических близнецов, среди которых носителем положительного начала является старший брат, в “паре” сказочных близнецов таковым оказывается младший брат. Это хорошо иллюстрирует армянская сказка про братьев-близнецов Санасара и Багдасара [Арцах 1983: 12–14], где более сильным оказывается Санасар — “младший” брат, в противоположность своему эпическому прототипу, “старшему” близнецу» [Абрамян,

Демирханян 1985: 72]. Близнецный мотив в сказаниях об Ахсаре и Ахсартаге, о Санасаре и Багдасаре по разработке отдельных эпизодов приближается к сюжетной схеме сказки о близнецах. Параллели этих мотивов отражены в армянских народных сказках, соответствующих по указателю сказочных сюжетов Аарне-Томпсон, № 303 [Aarne-Thompson 1964: 95]. К сказочным элементам относится, например, узнавание одним братом о беде, постигшей другого, по меркнувшей звезде; по оружию, покрывающемуся ржавчиной, и потускнению камня на перстне. И в «Сасунских удальцах», и в осетинском «Нартском эпосе» один из братьев-близнецов узнает о беде своего брата по вышеуказанным признакам.

В обоих исследуемых эпосах братья-близнецы растут не по дням, а по часам и с малых лет с помощью лука и стрел занимаются охотой. Типологическое сходство проявляется не только в образах главных героев эпоса, но и метафорах и символах кавказского фольклора. Так, мотивы «живой воды», «волшебного источника», «молочного родника», столь знакомые по «Давиду Сасунскому», появляются и в вариантах нартских эпосов. И Санасар, и Ахсартаг опускаются на дно моря к волшебному роднику и там достают для себя саблю и доспехи. Именно это придает героям необычную силу.

Одним из сходств обоих эпосов является также противоборство близнецов в целях обладания невестой. Чтобы добиться руки дочери царя Медного города, Санасар должен преодолеть множество препятствий. В «Сасунских удальцах» борьба происходит из-за сорокакосо́й красавицы Дехцун цама, а в «Нартском эпосе» Ахсар и Ахсартаг бьются на берегу моря из-за морской девы.

«Рассказ о героическом сватовстве Санасара к дочери царя Медного города и его победе над шестьюдесятью великанами-соперниками и над страшным вишапом, из пасти которого в осуществление трудной брачной задачи он достает жемчужину, типичен для богатырской сказки» [Мелетинский 1963: 239]. Далее, сопоставляя детство Санасара и Багдасара со сходными «описаниями героического детства в нартском эпосе, в сказаниях об Амирани», Мелетинский отмечает, что такое сопоставление

имеет двойное значение: «Во-первых, устанавливаются местные корни этого сказания в общекавказском фольклоре, и, во-вторых, определяется, что этот эпический рассказ о братьях-родоначальниках Сасуна относился к архаической ступени эпоса» [Там же]. Невольное соперничество близнецов также относится к сказочной традиции. В армянских волшебных сказках «Яблоко бессмертия» [Армянские сказки 1959: 23–38], «Золотое яблоко» [Армянские сказки 1966: 15–27], «Сказка о трех царевичах» [Армянские сказки 1973: 656–659] встречаются подобные мотивы, в которых широко отражен известный сказочный сюжет о младшем брате, вероломно оставленном на дне колодца или ямы старшими братьями, но затем поднятом на белый свет благодарной птицей.

В осетинском эпосе запертым в скале является сын Урызмага Сослан, а в армянском эпосе сын Давида Мгер Младший, который запирается в скале и ждет своего часа, так как земля стала лживой, она не держит Мгера: «Когда разрушится мир и воздвигнется вновь, // Когда будет пшеница как лесной орех, // Как шиповника ягода будет ячмень, // Тогда придет мой день...» [Давид Сасунский 1989: 338].

Грандиозен разлад народа с действительностью: «Когда разрушится мир...». Грандиозна и мечта о вновь воздвигнутом справедливом мире.

К древнейшим сюжетам эпоса относится также легенда об Артавазде, армянском Прометее, записанная Мовсесом Хоренаци (V в.) в «Истории Армении» [Айрапетян 2008: 154].

Передавая легенды и предания, связанные с именем Сатеник, М. Хоренаци фактически намекает на существование в V в. общегорноармянско-аланского эпического цикла, о котором пишет В. Абаев [Абаев 1979: 39]. Образ Сатеник сохранился до наших дней в нартских сказаниях осетин (Сатана), абхазов (Сатаней-Гуаша или Сатаниа-пха), абазин и убыхов (Сатанеа и Сатаниа), адыгских народов, сванов и балкарцев (Сатанэй, Сатанай или Сатаной), вайнахов (Села Сата или Сатай-Хан). В осетинском эпосе Сатана сидит в семиэтажной башне и через свое небесное зеркало созерцает, что происходит в мире [Нартские сказания 1949: 27]. Сравнительный анализ кавказских и армянских мифов указывает на

древность мифического образа центральной героини нартского эпоса [Далалян 2002: 212].

Фольклорные связи выражены и в паремиологическом творчестве народов Кавказа, которые рассматривают пословицы и поговорки как драгоценное словесное богатство, помогающее убедительней раскрыть мысли и чувства: «Ценное слово дороже золота» (лезгин.), «Мудрое слово лучше, чем полный двор богатства» (лак.), «Слову с рифмой нет возражений» (кумык.), «Молчание не всегда золото» (арм.) и т. д.

Примечательно, что стихийные проявления атмосферных явлений с древних времен способствовали формированию обрядов и песен, магических благопожеланий, с помощью которых народы региона стремились восстановить гармонию с природой. Среди них выделяются обряды вызывания дождя и заклинания солнца. До начала XX в. среди армян бытовали следы этих обрядов под названием «Нурин», «Чоли», «Годи», «Чамчахатун», «Мама-чттик», «Урпатекин», «Шереп-тикник» и т. д. [Айрапетян 2004: 226].

Обряд вызывания дождя у всех народов Дагестана и Северного Кавказа так же имел свое название: Ханцэгуаше (адыг.), Муста-Гудург (ингуш.), Къаршкзули (чечен.), Пешапай (лезг.), Земире (кум.) и т. д. [Халилов 1985: 6].

Сравнительное изучение фольклора наших народов показывает, что между ними существовали межэтнические, культурные и фольклорные взаимосвязи, которые и по сей день имеют актуальное научное значение.

Библиография

Абаев В. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1979. Т. 3.

Абзианидзе З. «Давид Сасунский» — армяно-грузинские параллели // The Armenian Epic «Daredevils of Sassoun», and The world Epic Heritage. International Conference's Reports, Yerevan. National Academy of Sciences of Armenia. Ереван, 2004 (на рус. яз.).

Абрамян Л., Демирханян А. Мифологема близнецов и мировое дерево // Историко-филологический журнал. Ереван. 1985. № 4 (на рус. яз.).

Айрапетян Т. О двойственном восприятии обрядов вызывания и прекращения дождя // Историко-филологический журнал. Ереван. 2004. № 3 (на арм. яз.).

Айрапетян Т. Проявления архаических мифов «Випасанка» в эпосе «Сасунские удалыцы» и армянских волшебных сказках // Историко-филологический журнал. Ереван. 2008. № 2 (на арм. яз.).

Армянские народные сказки. Ереван, 1959. Т. 2.

Армянские народные сказки. Ереван, 1966. Т. 5.

Армянские народные сказки. Ереван, 1973. Т. 6.

Арцах / Сост. А. Газиян // Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования. Ереван. 1983. Вып. 15.

Давид Сасунский. Армянский народный эпос. Вступ. статья и прим. Л. Мкртчяна. Ереван, 1989 (на рус. яз.).

Далалян Т. К вопросу о генеалогии образа армянской эпической царицы Сатеник // Историко-филологический журнал. Ереван. 2002. № 2 (на арм. яз.).

Далалян Т. Контуры сравнительного анализа «Сасна црера» и осетинского «Нартского эпоса» // The Armenian Epic «Daredevils of Sasoun», and The World Epic Heritage. International Conference's Reports. Yerevan, 2004 (на арм. яз.).

Мелетинский Е. Происхождение героического эпоса. М., 1963.

Нартские сказания. Осетинский народный эпос. М., 1949.

Халидова М. Общее и особенное в нартских сюжетах народов Дагестана и Северного Кавказа // Дагестанский фольклор во взаимосвязях с иноэтническим фольклором. Махачкала, 1985.

Халилов Х. Историческая общность и национальное своеобразие обрядовой поэзии народов Дагестана и Северного Кавказа // Дагестанский фольклор во взаимосвязях с иноэтническим фольклором». Махачкала, 1985.

Aarne A., Thompson S. The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen. Translated and Enlarged by Stith Thompson, Second Revision. Helsinki, 1964.